

ΑΛΕΞΑΝΔΡ
ΜΑΚΕΔΟΝΙΚΗ

Ο ΣΥΔΒΒΕ Ι ΔΟΒΛΕΣΤΙ

Άλέξανδρος Γ' ό Μέγας
356 π. χ. – 323 π. χ.

ΒΛΑΣΤΗ·
ΙΣΚΥΣΤΒΟ ΠΡΑΒΙΤΗ ΜΙΡΟΜ

**Квинт Эппий Флавий Арриан
Плутарх
Страбон
Афиней
Диодор Сицилийский
О судьбе и доблести.
Александр Македонский
Серия «Власть: искусство
править миром»**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67670039

О судьбе и доблести. Александр Македонский: АСТ: ОГИЗ; Москва;

2022

ISBN 978-5-17-146409-7

Аннотация

Царь Александр III из древней династии Аргеадов, более известный как «Александр Великий» и «Александр Македонский», знаменит из-за своей успешной завоевательной деятельности, позволившей полководцу, не прожившему и 33 лет, подчинить земли, простиравшиеся от Черноморских проливов до Сырдарьи и Аравийского моря.

За прошедшие тысячелетия, наполненные войнами, пожарами и радикальными изменениями в культуре, все ранние труды древних историков, повествующие об Александре, были утрачены. Тем не менее, значительная часть их материала была донесена до нас посредством сочинений, созданных спустя несколько столетий после смерти завоевателя.

В данное издание вошли доступные ныне античные письменные памятники, в которых сведения из ранних источников переданы сравнительно точно. Это труды Арриана, Диодора, Плутарха, Страбона и Афинея. Обращаясь к материалам представленных сочинений, читатель имеет возможность составить собственное представление как о деятельности самого Александра, так и об особенностях восприятия его образа в более поздние времена.

В формате PDF A4 сохранён издательский макет.

Содержание

Предисловие	7
Квинт Эппий, Флавий Арриан	15
Книга первая	15
1	16
2	18
3	20
4	21
5	23
6	26
7	28
8	31
9	32
10	35
11	36
12	38
13	41
14	42
15	44
16	46
17	48
18	50
19	52
20	55

21	57
22	59
23	60
24	62
25	64
26	66
27	67
28	69
29	70
Книга вторая	73
1	73
2	74
Конец ознакомительного фрагмента.	76

**Квинт Эппий.
Флавий Арриан
О судьбе и доблести.
Александр Македонский**

*Иллюстрация на обложке предоставлена фотобанком
«Shutterstock»*

Научный редактор предисловия – доктор исторических наук, старший научный сотрудник кафедры истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого

© Клейменов А.А., предисловие, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Предисловие

Царь Александр III из древней династии Аргеадов, более известный как «Александр Великий» и «Александр Македонский», в истории занимает особое место. Оно определено, прежде всего, беспрецедентно успешной завоевательной деятельностью, позволившей этому полководцу, не прожившему и 33-х лет, подчинить земли, простиравшиеся от Черноморских проливов до Сырдарьи и Аравийского моря. Жизненный путь Александра, которому хватило десятилетия, чтобы закрепить за собой статус величайшего военачальника античности, зачастую воспринимается как своеобразная легенда, наполненная многими яркими и поражающими воображение деталями, однако следует учитывать, что сформировавшиеся в современной науке представления о данной личности базируются на богатой письменной традиции, корнями восходящей к той отдаленной эпохе.

Одной из ключевых предпосылок ее формирования выступил комплекс мер, предпринятых Александром специально для сохранения памяти о своих деяниях. Известно, что в армии, с которой македонский царь весной 334 г. до н. э. переправился в Азию, находился многочисленный контингент философов и ученых, а официальным историографом экспедиции стал Каллисфен Олинфский, являвшийся родственником великого Аристотеля. Кроме того, бы-

ла обеспечена исправная работа царской канцелярии, которая, в том числе, вела «Эфемериды», представлявшие собой своеобразный дворцовый журнал. У современных специалистов не вызывает сомнений то, что античные историки много лет спустя после смерти македонского царя имели возможность опираться на сохранившиеся части «Эфемерид» и некоторые написанные Александром письма. Большую роль в формировании исторической традиции сыграл труд Каллисфена, содержащий официальную македонскую трактовку событий, наполненный религиозными мотивами и регулярными отсылками к идеям греческого единства и отмщения персам за разорения времен Дария I и Ксеркса. Впрочем, современники завоевателя и без монарших указаний вполне отчетливо понимали важность передачи информации о случившемся. К этому подталкивал характер эпохи, о котором лучше всего выразился афинский оратор Эсхин в речи «Против Ктесифона» 330 г. до н. э. Обращаясь к своим соотечественникам, ставших свидетелями быстрого падения некогда могучей и грозной Персидской державы, он констатировал: «Мы прожили не обыкновенную человеческую жизнь, а родились для того, чтобы наши потомки могли рассказывать о чудесах».

На настоящий момент известны несколько очевидцев деяний Александра, посчитавших необходимым рассказать о Восточном походе. Самым известным и статусным из них был Птолемей Лаг, являвшийся телохранителем завоевате-

ля, а после его смерти сумевший стать царем Египта. Птолемей создал свой труд, как предполагается, ближе к концу жизни, опираясь как на собственные воспоминания, так и на некоторые документы времен Александра. Это был рассказ о событиях времен азиатской экспедиции, составленный человеком в высшей степени компетентным и осведомленным. Тем не менее, в настоящее время исследователи отмечают, что Птолемей явно стремился идеализировать образ македонского царя, преувеличить свою роль в ключевых событиях, а также умолчать о достижениях военачальников, ставших оппонентами Птолемея в бурный период борьбы за раздел державы покойного Александра. Еще одним видным сподвижником великого полководца, оставившим сочинение о его свершениях в Азии, был критянин Непарх. Его труд описывал плавание возглавляемого Непархом флота по реке Инд и морю до побережья Месопотамии, передавая ценные сведения об Индии и прилегающих территориях. Представил свой рассказ о походе македонской армии в отдаленные районы Азии и кормчий царского корабля Онесикрит. Созданное им сочинение, полное описаний экзотических стран и обычаев, уже в античности воспринималось как мало достоверное. Больше доверия вызывал труд Аристобула, который в период Восточного похода был одним из представителей инженерного корпуса македонской армии, а много позже, уже в весьма преклонном возрасте, написал сочинение, отличавшееся сдержанным, в некоторой степени «скупым»

литературным стилем и искренним восхищением Александром, изображенным отважным воином и мудрым царем.

Особенной популярностью в древности пользовался написанный в Александрии Египетской труд Клитарха. В частности, не вызывает сомнений, что с ним были хорошо знакомы такие знаковые деятели римского времени как Цицерон и Плиний Старший. О самом Клитархе известно чрезвычайно мало: время его литературной деятельности различные исследователи датируют в широком диапазоне от конца IV в. до н. э. до второй половины III в. до н. э., ставится под сомнение возможность личного участия Клитарха в Восточном походе. Согласно наиболее взвешенным оценкам специалистов, Клитарх создавал свое произведение на основе трудов Каллисфена, Неарха и Онесикрита, а также черпал информацию из рассказов очевидцев в лице ветеранов армии Александра и греческих наемников. Мнение известного британского исследователя У. Тарна, в середине XX века назвавшего Клитарха предвзятым писателем, критически настроенным по отношению к Александру, на настоящий момент признано мало обоснованным. Сочинение александрийского автора, видимо, носило в большей мере развлекательный характер, повествуя и о благородных, и о жестоких поступках Александра, а достоверность нередко приносилась в жертву занимательности и яркости создаваемых образов.

К сожалению, за прошедшие тысячелетия, наполненные войнами, пожарами и радикальными изменениями в культу-

ре, указанные письменные памятники были утрачены. Тем не менее, значительная часть их материала была донесена до нас посредством сочинений, созданных спустя несколько столетий после смерти завоевателя. Авторы некоторых из этих поздних трудов проявили настоящую добросовестность и не подвергали имевшиеся в их распоряжении данные сознательным искажениям. Указанное обстоятельство стало основой формирования представленного издания, в которое вошли доступные ныне античные письменные памятники, в которых сведения из утраченных ранних источников переданы сравнительно точно. По праву первое место из них занимает посвященное походам Александра сочинение, созданное Флавием Аррианом – писателем и военно-политическим деятелем II в. н. э. Арриан, являясь поклонником творчества знаменитого Ксенофонта, создал свой труд, основываясь преимущественно на материалах сочинений Птолемея и Аристобула, которых считал наиболее заслуживающими доверия. Самого Арриана отличал тщательный отбор информации, а его взгляд на свершения Александра по большей части уравновешен при определенной склонности к апологетике. Конечно, благодаря тщательному анализу, проведенному А.Б. Босвортом и другими исследователями, на настоящий момент выявились многие ошибки и противоречия, присутствующие в сочинении Арриана, что, однако, не лишает эту работу статуса наиболее ценного источника при изучении военных событий времен Восточного похода. Со-

всем иную основу для освещения истории Александра выбрал Диодор Сицилийский, живший в I в. до н. э. В книгах XVII и XVIII своей фундаментальной «Исторической библиотеки» он рассказал о македонском завоевателе, используя в качестве основного источника популярное в его время сочинение Клитарха, данные которого дополнял сведениями, почерпнутыми из работ Каллисфена, Аристобула, и, возможно, Диила. Источниковая база сближает сочинение Диодора с латиноязычными работами Юстина и Курция Руфа, передающими в более искаженном виде данные той же ранней традиции, в историографии условно называемой «вульгатой» (Vulgata). Особенностью этого материала является отсутствие явного пиетета по отношению к личности Александра и передача сведений о неблагоприятных его поступках. Свой уникальный взгляд на личность знаменитого македонянина представил Плутарх Херонейский (сер. I – нач. II вв. н. э.) в биографии Александра, составленной для знаменитых «Сравнительных жизнеописаний». В ней Плутарх не пытался дать подробное описание полководческого пути Александра, а раскрывал особенности его личности, которой явно восхищался. Сделано это было при опоре на чрезвычайно широкую базу источников, включающую более двух десятков работ авторов предшествующего времени. Кроме того, Плутарх передает ценнейшие данные, содержащиеся в письмах самого царя.

Склонность использовать разнообразные источники ин-

формации и тенденцию указывать происхождение привлекаемых сведений проявил и античный географ Страбон, чей период творчества пришелся на конец I в. до н. э. – начало I в. н. э. Следуя запросам читающей части римского общества своего времени, Страбон весьма основательно остановился на индийском этапе завоевательной деятельности македонского полководца, имея при этом склонность не доверять материалам ранних источников из-за их предвзятости, связанной со стремлением прославить монарха. Особое значение имеет часто недооцениваемый «Пир мудрецов», вышедший из пера Афиней Навкратийского на рубеже II и III вв. н. э. Его работа представляет собой уникальную по своему охвату компиляцию из сочинений более 800 античных писателей. Конечно, сам Афиней не имел намерения поведать о всех свершениях знаменитого македонянина, но, стремясь передать различного рода примечательные истории, связанные с пирами, довел до нас сообщения из многих доступных в его время и ныне утраченных трудов, часто указывая используемые источники.

Читатель, обращающийся к данному уникальному для отечественной исторической литературы изданию, имеет возможность ознакомиться с материалом указанных античных сочинений и составить собственное представление как о деятельности самого Александра, так и об особенностях восприятия его образа в более поздние времена. Не беда, если это представление после знакомства с разными по характе-

ру, но в равной степени интересными трудами древних писателей получится несколько противоречивым. Столь же противоречивым был и сам Александр, недолго пробывший на этой земле, но оставивший память о себе навсегда.

Клейменов Александр Анатольевич

*доктор исторических наук, старший научный сотрудник
кафедры истории и археологии*

*Тульского государственного педагогического университета
им. Л.Н. Толстого*

Квинт Эппий, Флавий Арриан

Поход Александра

Книга первая

Я передаю как вполне достоверные те сведения об Александре, сыне Филиппа, которые одинаково сообщают и Птолемей, сын Лага, и Аристобул, сын Аристобула. В тех случаях, когда они между собой не согласны, я выбирал то, что мне казалось более достоверным и заслуживающим упоминания. (2) Другие рассказывали о нем иначе; нет вообще человека, о котором писали бы больше и противоречивее. Птолемей и Аристобул кажутся мне более достоверными: Аристобул сопровождал Александра в его походах, Птолемей тоже сопровождал его, а кроме того, он сам был царем, и ему лгать стыднее, чем кому другому. А так как оба они писали уже по смерти Александра, то ничто не заставляло их искажать события и никакой награды им за то не было бы. (3) Есть и у других писателей сведения, которые показались мне достойными упоминания и не вовсе невероятными; я записал их как рассказы, которые ходят об Александре. Если кто изумится, почему мне пришлось в голову писать об Александре, когда столько людей писали о нем, то пусть он сначала

перечтет все их писания, познакомится с моими — и тогда пусть уж удивляется.

1

Рассказывают, что Филипп скончался, когда в Афинах архонтом был Пифодем. Александр как сын Филиппа принял царскую власть и отправился в Пелопоннсс. Было ему тогда около 20 лет. (2) Там он созвал на собрание эллинов, живущих в Пелопоннесе, и обратился к ним с просьбой вручить ему командование походом против персов, которое они уже предоставили Филиппу. Просьбу его удовлетворили все, кроме лакедемонян, которые ответили, что им от отцов завещано не идти следом за другими, а быть предводителями. (3) Были кое-какие волнения и в Афинах. Афиняне, однако, перепугались насмерть, стоило Александру подойти ближе; в знак почтения к Александру они согласились на большее, чем было дано Филиппу. Вернувшись в Македонию, Александр занялся приготовлениями к походу в Азию.

(4) С наступлением весны он отправился во Фракию против трибалов и иллирийцев, так как узнал, что иллирийцы и трибалы восстали, а кроме того, он считал, что, отправляясь в такой дальний путь от дома, не следует оставлять у себя за спиной соседей, которые до конца не усмирены. (5) Он собирался из Амфиполя вторгнуться в землю так называемых «независимых фракийцев»; слева от него оставались город

Филиппы и гора Орбел. Говорят, что, перейдя реку Несс, он на десятый день подошел к горе Гем. (6) Там его встретили в ущелье, которым шла дорога на гору, толпа вооруженных горцев и «независимые фракийцы». Они захватили вершину Гема и приготовились преградить войску дальнейший путь: (7) собрали телеги и поставили их впереди, перед собой, чтобы они служили оградой и чтобы с них можно было отбиваться, если нападет враг. Кроме того, у них было в мыслях сбросить эти телеги на македонскую фалангу, когда она будет взбираться по самому крутому месту на горе. Они были убеждены, что чем теснее будет фаланга, на которую обрушатся сверху телеги, тем скорее эти телеги ее рассеют силой своего падения.

(8) Между тем Александр составил план, как безопаснее всего перевалить через гору. Когда он увидел, что приходится идти на опасность, так как другого прохода нет, то он отдал гоплитам следующий приказ: когда телеги станут сверху валиться на них, то пусть солдаты в тех местах, где дорога широка и можно разбить строй, разбегаются так, чтобы телеги падали в промежутки между людьми; (9) если же раздвинуться нельзя, то пусть они падают на землю, прижавшись друг к другу и тесно сомкнув свои щиты: тогда телеги, несущиеся на них, вследствие быстрого движения скорее всего перепрыгнут через них и не причинят им вреда. Как Александр указывал и предполагал, так и случилось. (10) Одни бросились врассыпную; другим телеги не причинили

большого вреда, прокатившись по щитам; ни одного человека они не убили. Македонцы ободрились, видя, что телеги, которых они больше всего боялись, не нанесли им вреда и с криком кинулись на фракийцев. (11) Александр приказал лучникам уйти с правого крыла и стать перед фалангой, где она была наиболее уязвимой, и встретить фракийцев, откуда бы они ни подошли, стрелами; сам он с агемой, щитоносцами и агрианами стал на левом крыле. (12) Лучники, поражая фракийцев, выбегавших вперед, остановили наступление. Фаланга, вступив в дело, без труда отбросила варваров, легко и плохо вооруженных, так что они, не дожидаясь Александра, наступавшего слева, побросали оружие и кинулись с горы кто куда. (13) Погибло их около полутора тысяч; живых захватили мало, потому что они были в беге быстры и хорошо знали местность. Забрали всех женщин, которые сопровождали варваров, детей и всю добычу.

2

Александр отослал эту добычу в приморские города, поручив распорядиться ею Лисании и Филоте. Сам он, переправившись через Гем, пошел вперед на трибалов и прибыл к реке Лигину. Она отстоит от Истра, если идти по Гему, в трех днях пути. (2) Сирм, царь трибалов, давно уже зная о походе Александра, заранее отправил женщин и детей трибалов к Истру, велев им переправиться на один из островов на

Истре. (3) Остров этот назывался Певка. На этот же остров сбежались задолго до приближения Александра фракийцы, жившие по соседству с трибалами; туда же бежал вместе со своими и сам Сирм. Большое же число трибалов кинулось назад, к той самой реке, от которой накануне выступил Александр.

(4) Когда Александр узнал, куда ушли трибалы, он повернул обратно и пошел на них; он захватил их уже за разбивкой лагеря. Застигнутые врасплох, они построились в лесу, росшем у реки. Александр сам повел солдат, выстроив их в глубину; лучников и пращников он выслал вперед, приказав им осыпать варваров стрелами и камнями; он рассчитывал таким образом вызвать их из леса на открытое место. (5) И действительно, оказавшись под дождем стрел, они устроили вылазку и бегом устремились на лучников, рассчитывая схватиться с ними врукопашную, тем более, что у лучников щитов не было. Александр, выманив трибалов из леса, приказал Филоте взять всадников, набранных в Верхней Македонии, и броситься на правое крыло противника, больше всего выдвинувшееся вперед при вылазке. Гераклиду и Сополу он велел вести на левое крыло всадников из Боттиси и Амфиполя. (6) Пехотинцев и остальную конницу, растянутую перед пехотой, он повел на центр неприятеля. Пока с обеих сторон шла перестрелка, трибалы не уступали, но когда на них нажала мощная плотная фаланга и с обеих сторон напали всадники, действуя уже не дротиками, а давя лошадьми, триба-

лы повернули через лес к реке. (7) В бегстве погибло 3000; живых и на этот раз захватили мало, потому что лес у реки был густой, а наступившая ночь не позволила македонцам вести правильное преследование; македонцы же, по словам Птолемея, потеряли 11 всадников и около 40 пехотинцев.

3

На третий день после этой битвы Александр подошел к реке Истру. Это самая большая из европейских рек; она протекает через многие и многие земли, образуя границу между самыми воинственными племенами. Большинство из них племена кельтские; (2) в их земле Истр и берет свое начало. У самых истоков его живут квады и маркоманы, потом язиги, племя савроматов, и потом геты, дарующие бессмертие; потом большинство савроматов и потом скифы – до самого устья, до того места, где пятью рукавами Истр впадает в Эвксинское море. (3) На Истре он застал пять военных судов, пришедших к нему из Византия по Эвксинскому морю и по реке. Посадив на них лучников и гоплитов, он поплыл к острову, куда бежали фракийцы и трибалы, и попытался высадиться, но всюду, где бы ни пытались пристать корабли, их встречали варвары. (4) Судов же было мало, и войска на них немного; крутые берега мало где позволяли пристать, а река около острова, сдавленная в теснине, неслась с такой стремительностью, что стать на якорь было невозможно.

(5) Тогда Александр отвел свои суда и решил переправиться через Истр, чтобы напасть на гетов, живущих за Истром; он видел, что они во множестве собираются на берегу Истра, рассчитывая помешать его переправе (всадников у них было около 4000, а пеших воинов больше 10000). К тому же ему очень хотелось побывать на той стороне. (6) Он сам сел на корабль, велел набить сеном меха, из которых делали палатки, и собрал тут же челноки, выдолбленные из одного дерева (их было великое множество, потому что береговое население ловит на Истре рыбу с этих челноков, ездит на них по реке друг к другу, и многие на них же занимаются разбоем). Собрав как можно больше этих челноков, он переправил на них столько войска, сколько было возможно при таких средствах переправы. Перешло с Александром тысячи полторы всадников и около 4000 пехотинцев.

4

Переправились ночью в том месте, где росли густые хлеба, за которыми и не видно было людей, подбиравшихся к берегу. На рассвете Александр повел пехоту через хлеба, приказав воинам держать сарисы наискось и раздвигать колося, пригибая их. Так они вышли на пространство необработанное. (2) Всадники следовали сзади, пока фаланга не прошла через хлеба. Когда войско оказалось на целине, Александр сам повел конницу на правое крыло, а Никанору ве-

лел построить пехоту вытянутым прямоугольником. (3) Геты не выдержали и первого натиска всадников; невероятной казалась им дерзость Александра, который так легко, в одну ночь, не наводя мостов, переправился через величайшую из рек, ужасной – сомкнутая фаланга, неистовым – натиск всадников. (4) Сначала они бросились в свой город, отстоявший от Истра примерно на парасангу. Когда же они увидели, что Александр спешит со своей пехотой, идя вдоль реки, чтобы не оказаться пехоте в кольцо и не попасть в ловушку, устроенную гетами, а всадники едут впереди, геты оставили свой плохо укрепленный город, забрав с собой на лошадях столько детей и женщин, сколько лошади могли увезти: они устремились как можно дальше от реки в пустынные степи. (5) Александр овладел городом и всем, что оставили геты. Он велел Мелеагру и Филиппу переправить эту добычу, сам же разрушил город и на берегу Истра принес жертву Зевсу-Спасителю, Гераклу и самому Истру зато, что он позволил ему переправиться. Еще засветло он привел всех целыми и невредимыми в лагерь.

(6) Туда прибыли к Александру послы от других независимых племен, живущих возле Истра, а также от Сирма, царя трибалов. Пришли послы и от кельтов, живущих у Ионийского залива. Кельты народ рослый и мнения о себе высокого. Все сказали, что они пришли искать дружбы с Александром; все они заключили с ним союз. (7) Кельтов он еще спросил, чего в мире они больше всего боятся? Он надеялся,

что его громкое имя дошло до кельтов и еще дальше и они скажут, что больше всего боятся они именно его. (8) Ответ кельтов не соответствовал его надеждам. Жили они далеко от Александра, в местах непроходимых, видели, что ему не до них, и ответили, что боятся, как бы не упало на них небо. К Александру они отправили послов потому, что восхищаются им, но не из боязни или ради выгоды. Александр назвал их друзьями, заключил с ними союз и отослал обратно, заметив только, что кельты хвастуны.

5

Он пошел дальше к агрианам и пэонам. Тут пришло к нему известие о том, что Клит, сын Бардилея, отпал от него, и к нему присоединился Главкия, царь тавлантиев. Сообщили ему, что и автариаты собираются напасть на него в пути. Поэтому он решил спешно повернуть назад. (2) Лангар, царь агриан, который еще при жизни Филиппа выказывал явное расположение к Александру и от себя посылал к нему послов, явился теперь к нему и привел с собою самых красивых и наилучшим образом вооруженных щитоносцев, какие только у него были. (3) Узнав, что Александр осведомляется, что за народ автариаты и сколько их, он сказал, что таких людей, как автариаты, нечего принимать в расчет: в этой стране это самое мирное племя. Он сам вторгнется в их землю: пусть больше думают о собственных делах, чем о войнах.

По просьбе Александра он вторгся к ним и, вторгшись, разграбил страну, увел пленных и унес добычу.

(4) Автариатам пришлось подумать о себе самих. Александр почтил Лангара великими почестями и одарил его дарами, которые у македонских царей считаются самыми почетными. Он пообещал Лангару, когда он прибудет в Пеллу, выдать за него свою сестру Кину.

(5) Лангар вернулся домой, заболел и умер. Александр направился к реке Эригону, в город Пелий, который, как самый укрепленный в стране, занял Клит. Александр, подступив к городу, разбил лагерь у реки Эордаика и решил на следующий день брать стены приступом. (6) Войска Клита занимали горы, кольцом окружавшие город, возвышавшиеся над ним и покрытые густым лесом; на македонцев, если бы они пошли на приступ, можно было напасть со всех сторон. Главкия, царь тавлантиев, к Клиту не явился. (7) Александр подошел к самому городу. Враги же, заколов в жертву трех мальчиков, столько же девочек и трех черных баранов, устремились вперед с намерением вступить с македонцами врукопашную, но, столкнувшись с ними, сразу же, хотя занятая ими позиция и была прочной, отступили с такой поспешностью, что жертвы их остались лежать и были подобраны противником.

(8) В тот же самый день Александр запер их в городе и, расположившись лагерем у стен, решил окружить город укреплениями и блокировать его. На следующий день появился с большим войском Главкия царь тавлантиев. Алек-

сандр понял, что ему не взять города с таким войском, какое у него сейчас: в городе собралось много хороших воинов, и если он пойдет на приступ, то ему придется иметь дело еще и с войском Главкии. (9) Он отправил Филоту за провиантом, приказав ему взять сколько нужно всадников для охраны и выючных животных из лагеря. Главкия, узнав об экспедиции Филоты, погнался за ним и занял горы, кольцом окружавшие ту долину, где отряд Филоты намеревался добыть провиант. (10) Александр, получив известие о том, что всадники и караван окажутся в опасности, если их застанет ночь, сам поспешил им на помощь, взяв с собой щитоносцев, лучников, агриан и около 400 всадников. Остальное войско он не отвел от города: отход всего войска дал бы возможность находившимся в городе устремиться на соединение с Главкией. (11) Главкия, узнав о приближении Александра, оставил горы, и отряд Филоты благополучно укрылся в лагере. Клит же и Главкия думали захватить Александра, пользуясь бездорожьем: они заняли горные высоты, послав туда множество всадников, множество метателей дротиков, пращников да немало и гоплитов; оставшиеся в городе собирались присоединиться к уходившим. (12) Место, где лежал проход для Александра, узкое и лесистое, с одной стороны было отрезано рекой, с другой поднималась очень высокая гора, вся в стремнинах, так что и четверем воинам со щитами было не пройти в ряд.

Александр выстроил свой отряд фалангой в 120 человек глубиной. На каждом крыле он поставил по 200 всадников и приказал молча и стремительно выполнять приказы. (2) Сначала он велел гоплитам поднять копья прямо вверх, затем по знаку взять их наперевес, а после тесно сомкнуть их и склонить направо и затем налево. Стремительно двинув фалангу вперед, он велел солдатам делать то направо кругом, то налево. (3) Произведя таким образом в течение короткого времени разные маневры и построения, он повернул фалангу влево, выстроил ее клином и повел на врага. Те сначала с изумлением смотрели на быстроту и порядок совершаемого; сражения с Александром они не приняли и оставили первые возвышенности. (4) Он приказал македонцам издать военный клич и ударить в щиты копьями. Тавлантиев этот крик испугал еще больше, и они быстро отвели свое войско к городу.

(5) Александр, видя, что небольшое число врагов удерживает высоту, мимо которой проходила его дорога, приказал своей охране и «друзьям» взять щиты, сесть на лошадей и скакать к этой высоте. Если те, кто занял ее, не тронутся с места, пусть половина отряда спрыгнет с лошадей, смешается с всадниками и сражается пешими. (6) Враги, видя, что Александр наступает, оставили высоту и скрылись впра-

во и влево в горы. Александр с «друзьями» захватил высоту, агриан и лучников числом до 2000 послал к ним же, а щитоносцам велел переправиться через реку и македонским полкам следовать за ними; после переправы сделать налево кругом и построиться тесной фалангой. Сам он остался на передовом посту наблюдать с высоты за движением врагов. (7) Они же, видя переправляющееся войско, отошли к горам, чтобы напасть на арьергард, который отделился вместе с Александром. Он же при их приближении устремился на них со своим отрядом, а фаланга издала боевой клич, словно уже перейдя реку. Враги бежали, уклоняясь от воинов, наседавших на них вкуче. В это время Александр послал агриан и лучников бегом к реке; сам он опередил их и перешел первым. (8) Увидев, что враги насаждают на арьергард, он велел установить на берегу машины и метать с их помощью дротики на такое расстояние, на какое только достанет машина, а лучникам остановиться посередине реки и стрелять. Воины Главкии не осмелились подойти туда, где уже падали стрелы; македонцы благополучно переправились через реку; при отходе никто убит не был.

(9) Спустя три дня Александр узнал, что войско Клиты и Главкии живет в полной беспечности; караулы для охраны не расставлены, нет перед лагерем ни палисада, ни рва, словно все думают, что Александр в страхе бежал. Линия фронта была бессмысленно вытянута в длину. Александр ночью незаметно переправился через реку, ведя за собой щит-

тоносцев, агриан, лучников и полки Пердикки и Кена. (10) Остальному войску приказано было следовать за ними. Выбрав удобное для нападения время и не дожидаясь соединения всех сил, он бросил на неприятеля лучников и агриан. Напав внезапно, с фланга, там, где противник был наиболее слаб, и потому удар их был наиболее силен, они одних убивали в постелях, других, которые пытались бежать, без труда ловили, так что многие были тут же захвачены и убиты; другие погибли при беспорядочном паническом отступлении. (11) Немало людей было захвачено в плен. Воины Александра преследовали врага до самых гор в земле тавлантиев. Те, кто ускользнул от преследователей, спасся, бросив оружие. Клит бежал сначала в свой город, но затем город сжег и отправился к Главкии в землю тавлантиев.

7

В это время некоторые из фиванских изгнанников ночью вернулись в Фивы: кое-кто в городе подстрекал их к восстанию. Из кадмейского гарнизона они вызвали Аминту и Тимолая и убили их за стенами Кадмеи, когда те и не подозревали ничего худого. (2) Явившись в народное собрание, они убеждали фиванцев отпасть от Александра, прикрываясь прекрасным издревле именем свободы и маня наконец-то избавлением от тяжкого македонского ига. Так как они утверждали, будто Александр умер в Иллирии, то речи

их показались толпе особенно убедительными. (3) Молва о его смерти разрасталась и шла с разных сторон: прошло действительно немало времени, как от него не приходило никаких вестей. И как это обычно бывает в таких случаях, люди, не разузнав, как обстоит все в действительности, представляли ее себе в соответствии со своими желаниями.

(4) Когда Александр узнал о событиях в Фивах, он решил, что никак нельзя отнестись к ним пренебрежительно. Он давно уже держал в подозрении Афины и считал, что дерзкое предприятие фиванцев не окончится впустую, если к ним примкнут и лакедемоняне, давно уже отпавшие в мыслях, другие пелопоннесцы и этолийцы, на которых полагаться нельзя. (5) Пройдя через Эордею и Элимиотиду, он перевалил через горы Стимфеи и Паравии и на седьмой день прибыл в Пелину в Фессалии. Выступив оттуда, он на шестой день вторгся в Беотию; фиванцы узнали, что Александр прошел через «Ворота», когда он со всем войском был уже в Онхесте. (6) Главари восстания заявили тогда, что это пришло из Македонии войско Антипатра; на смерти Александра они настаивали и косо глядели на тех, кто заявлял, что войско ведет сам Александр; по их словам, это был другой Александр, сын Аэропа.

(7) Александр, двинувшись из Онхеста, на следующий день подошел к городу фиванцев, к участку, посвященному Иолаю, где и стал лагерем. Он дал фиванцам срок одуматься и послать к нему посольство. (8) Им же и в голову не при-

ходило положить начало мирным переговорам; больше того: всадники и немалое число легковооруженных, сделав вылазку, добежали до лагеря и стали обстреливать передовые посты; несколько македонцев было убито. (9) Александр выслал легковооруженных и лучников, чтобы отбросить нападающих. Их отбросили лихо, когда они уже подходили к самому лагерю. На следующий день Александр со всем войском подошел к воротам, откуда дорога шла на Элевферы и Аттику, но не стал у самых стен, а разбил лагерь недалеко от Кадмеи, чтобы македонцы могли тут же подать помощь сидящим в Кадмее. (10) Фиванцы же стерегли Кадмею, окружив ее двойным палисадом, чтобы никто извне не мог помочь запертому отряду и чтобы отряд этот не мог сделать вылазку, когда фиванцам придется сразиться с врагом, нападающим на город. Александр (он хотел еще поладить с фиванцами добром, а не оружием) медлил, находясь в лагере под Кадмеей. (11) Те из фиванцев, которые понимали, что будет лучшим для общего блага, хотели отправиться к Александру искать у него прощения фиванскому народу за его отпадение. Изгнанники же и те, кто к изгнанникам склонялся, считали, что от Александра они не увидят ничего доброго; среди них особенно беотархи всячески склоняли народ к войне. Александр все еще не нападал на город.

Птолемей, сын Лага, рассказывает, что Пердикка, несший охрану лагеря и стоявший со своим отрядом впереди него, недалеко от вражеского палисада, не ожидая от Александра приказа идти в бой, сам, первый, своей волей, кинулся на этот палисад, разметал его и напал на передовой отряд фиванцев. (2) За ним последовал Аминта, сын Андромена, так как он стоял вместе с Пердиккой; увидав, что тот уже за палисадом, он повел и свой полк. Александр, видя это и боясь, как бы фиванцы их не отрезали и им не пришлось бы сражаться одним, двинул остальное войско. (3) Лучникам и агрианам он дал знак вбежать за палисад; агему и щитоносцев он держал еще перед ним. Пердикка, стремясь пройти за второй палисад, упал, пораженный стрелой. Его унесли в тяжелом состоянии в лагерь: поправился он с трудом. Воины, ворвавшиеся с ним, вместе с лучниками Александра загнали фиванцев в лощину, по которой шла дорога к храму Геракла. (4) Они шли за фиванцами, отступавшими до самого храма; тут фиванцы повернули с криком, и у македонцев началось бегство. Пал начальник лучников, критянин Эврибот, и человек 10 лучников; остальные добежали до македонской агемы и царских щитоносцев. (5) Александр, видя, что его солдаты бегут, а фиванцы, преследуя их, потеряли строй, бросил на них выстроенную фалангу, которая и оттеснила их за

ворота. Фиванцы бежали в таком ужасе, что, теснимые в город через ворота, они не успели эти ворота закрыть. Вместе с ними в город ворвались и те македонцы, которые бежали сразу же за ними; на стенах же никого не стояло, так как выставлено было много сторожевых постов за городом. (6) Подойдя к Кадмее, македонцы разделились: одна часть вместе с отрядом, державшим Кадмею, вступила в нижний город у храма Амфиона, а другая перелезла через стены, уже захваченные теми, кто проник в город с беглецами, и бегом кинулась на агору. (7) Какое-то недолгое время отряды фиванцев еще держались у храма Амфиона. Когда же македонцы стали нажимать на них со всех сторон и Александр появлялся то тут, то там, фиванские всадники, убегая, вынеслись через город на равнину; пехотинцы спасались, как кому удавалось. (8) И тогда началось беспорядочное избиение уже не защищавшихся фиванцев, причем гнева были полны не так македонцы, как фокейцы, латейцы и прочие беотийцы; одних застигали в домах, некоторые пытались сопротивляться, другие молили о пощаде, припав к жертвенникам, — но жалости не было ни к женщинам, ни к детям.

9

Это бедствие, постигшее Элладу, потрясло остальных эллинов не меньше, чем самих участников этого дела: величина взятого города, стремительность покорения, неожидан-

ное поражение и неожиданная победа – потрясало все. (2) То, что случилось с афинянами в Сицилии, было для города великим несчастьем, так как погибло много людей, но войско афинян потерпело поражение вдали от родины, причем союзников погибло больше, чем своих, и свой город у афинян остался. Еще долгое время потом сопротивлялись они лакедемонянам, воевали с их союзниками и великим царем; ни они, пострадавшие, не испытывали такого чувства непоправимого бедствия, ни прочие эллины не были так потрясены их бедой. (3) При Эгоспотамах афиняне потерпели поражение опять на море, но город, униженный только скрытием Длинных Стен, выдачей многих судов и лишением власти, сохранил свой исконный облик, вскоре опять вошел в прежнюю силу, так что восстановил Длинные Стены, опять стал господствовать на море и внес свою долю в спасение от крайней опасности лакедемонян, некогда страшных и чуть-чуть не уничтоживших их город. (4) Поражение при Левктрах и Мантинее потрясло лакедемонян больше своей неожиданностью, чем множеством погибших. Нападение на Спарту беотийцев и аркадян во главе с Эпаминондом испугало лакедемонян и союзников их больше необычностью такого зрелища, чем величиной опасности. (5) Взятие Платей не было великим бедствием: городок был маленький и людей захватили мало, потому что многие уже давно бежали в Афины. Взятие Мелоса и Скионы, островных городков, принесло больше позора победителям и не было большой

неожиданностью для всей Эллады.

(6) Восстание фиванцев, стремительное и неразумное, взятие города, быстрое, не затруднившее нападавших, избие-ние побежденных – такое, какое могут совершить только единоплеменники, движимые старинной ненавистью, пора-бощение всех граждан города, первого тогда в Элладе по си-ле и воинской славе, – эти события объясняли гневом бо-жества, и такое объяснение не лишено вероятия. (7) Спустя долгое время понесли фиванцы наказание за измену элли-нам в Персидскую войну, за взятие Платей во время пере-мирия и порабощение всех граждан этого города, за избие-ние – по их совету – тех из них, кто сдался лакедемонянам (сделано это было не по-эллински), за опустошение того ме-ста, где эллины, столкнувшись с персами, отвратили беду от Эллады, за то, что они хотели погубить Афины, когда лаке-демоняне и союзники их обсуждали вопрос о порабощении этого города. (8) Рассказывают, что еще до разрушения Фив было много божественных знамений, которыми на тот час пренебрегли, впоследствии же вспомнили и стали размыш-лять над тем, что уже давно они предвещали случившееся.

(9) Союзники, принимавшие участие в этом деле, кото-рым Александр и поручил распорядиться судьбой Фив, ре-шили поставить в Кадмее гарнизон, город же скрыть до осно-вания, а землю, кроме священной, разделить между союзни-ками; детей, женщин и фиванцев, оставшихся в живых, кро-ме жрецов, жриц, друзей Филиппа или Александра и маке-

донских проксинов, продать в рабство. (10) Рассказывают, что Александр из уважения к Пиндару сохранил дом поэта и спас его потомков. Сверх того союзники постановили восстановить Орхомен и Платеи и обвести их стенами.

10

Когда остальные эллины узнали о беде фиванцев, то аркадяне, которые выступили уже, чтобы помочь фиванцам, постановили казнить тех, кто поднял их на эту помощь. Элейцы вернули обратно своих изгнанников, так как они были друзьями Александру. (2) Этолийские племена отправили – каждое особо – посольства с мольбой о прощении: они, сообщаясь с известиями от фиванцев, тоже подняли восстание. Афиняне справляли великие мистерии, когда к ним прямо после сражения прибыли люди из Фив. В ужасе они бросили мистерии и стали свозить свой скарб из хуторов в город. (3) Народное собрание по предложению Демада отправило к Александру посольство из 10 человек, которых выбрали из всех афинян, зная, что они особенно близки к Александру. Они должны были передать ему следующее: народ афинский поздравляет его с благополучным возвращением от илирийцев и трибалов – поздравление несколько запоздало – и радуется, что он наказал фиванцев за их восстание. (4) Александр любезно отвечал посольству, но к народу обратился с письмом, в котором требовал выдачи Демосфена, Ликурга и

сторонников их. Требовал он также выдать и Гиперида, Полиевкта, Харета, Харидема, Эфиальта, Диотима и Мироклея, (5) потому что они виноваты в бедствии, постигшем город у Херонеи, а позднее, после кончины Филиппа, в пренебрежительном отношении к нему и к памяти Филиппа; в отпадении фиванцев они, объявил он, виноваты не меньше, чем люди, поднявшие фиванцев на восстание. (6) Афиняне этих людей не выдали, а к Александру опять отправили посольство, моля его смиростивиться к тем, чьей выдачи он требует. Александр и смиростивился – из уважения ли к городу, или потому, что он занят был походом в Азию и не хотел оставлять по себе у эллинов ничего, что заставляло бы держаться настороже. Он велел отправиться в изгнание только Харидему, единственному из тех, чьей выдачи он требовал. Харидем отправился в Азию к царю Дарию.

11

Покончив с этим, Александр вернулся в Македонию. Он принес Зевсу Олимпийскому жертву, совершать которую установлено было еще Архелаем, учредил в Эгах праздничные состязания – их называли олимпийскими – и, по словам некоторых, установил еще состязания в честь Муз. (2) В это время ему сообщили, что статуя Орфея фракийца, сына Эагра, находящаяся в Пиериде, все время покрывается потом. Одни прорицатели предсказывали одно, другие другое; Ари-

стандр же, телмесец, тоже прорицатель, сказал Александру: «Дерзай; знамение это значит, что поэтам эпическим и лирическим, а также исполнителям их произведений предстоит великий труд: создать произведения, в которых будут воспевать Александра и его дела».

(3) С наступлением весны Александр отправился к Гелеспонту, поручив управление Македонией и эллинами Антипатру; вел он с собою пеших, легковооруженных и лучников немного больше 30 000, а всадников свыше 5000. Дорога его лежала мимо Керкинидского озера в направлении к Амфиполю и устьям реки Стримона. (4) Перейдя через Стримон, он обогнул гору Пангей, направляя путь к Абдере и Мароне, эллинским городам, лежащим при море. Оттуда он пришел к реке Гебру и без труда переправился через Гебр, а оттуда прошел через Петикку к реке Черной. (5) Перейдя Черную, он прибыл в Сест, на 20-й день всего после отправления из дому. Прибыв в Элеунт, он принес жертву Протесилаю на его могиле: считается, что из эллинов, отправившихся с Агамемноном под Илион, он первый высадился в Азии. А цель этого жертвоприношения была такая: да будет ему эта высадка счастливее, чем Протесилая.

(6) Пармениону было приказано переправить много пехоты и конницу из Сеста в Абидос. Переправа была совершена на 160 триерах и на множестве транспортных судов. Обычно рассказывают, что Александр, выйдя из Элсунта, высадился в «Ахейской гавани»: он сам правил при переезде адмираль-

ским кораблем и, доплыв до середины Геллеспонта, заколол быка в жертву Посейдону и nereидам и совершил возлияние в море из золотой чаши. (7) Рассказывают, что он первым во всеоружии вступил на азийскую землю; в том месте, где он отплыл из Европы, и там, где высадился в Азии, он поставил алтари Зевсу, покровителю высадок, Афине и Гераклу. Придя в Илион, он свершил жертву Афине Илионской, поднес ей и повесил в храме полное вооружение, а взамен его взял кое-что из священного оружия, сохранившегося еще от Троянской войны. (8) Говорят, что в сражениях его носили перед ним. Рассказывают, что на алтаре Зевса, покровителя домашнего очага, он принес жертву Приаму, моля его не гневаться больше на род Неоптолема, из которого происходил и он.

12

Когда он шел в Илион, Менетий, кормчий, увенчал его золотым венцом; то же сделал Харет, афинянин, прибывший из Сигея, и другие эллины и местные жители; сам он возложил венки на могилу Ахилла, а Гефестион, говорят, возложил венки на могилу Патрокла. Рассказывают, что Александр провозгласил Ахилла счастливецом, потому что о славе его возвестил на будущие времена такой поэт, как Гомер. (2) Александр, действительно, имел право завидовать в этом Ахиллу: он был счастлив во всем, но тут ему не повезло —

никто не рассказал человечеству о деяниях Александра достойным образом. О нем не написано ни прозой, ни в стихах; его не воспели в песнях, как Гиерона, Гелона, Ферона и многих других, которых и сравнивать нельзя с Александром. О делах Александра знают гораздо меньше, чем о самых незначительных событиях древности. (3) Поход 10 000 во главе с Киром на царя Артаксеркса, злключения Клеарха и солдат, вместе с ним взятых в плен, возвращение этого войска под предводительством Ксенофонта гораздо известнее людям благодаря Ксенофону, чем Александр и его деяния. (4) Между тем Александр отправился в поход, не рассчитывая ни на кого, кроме себя; он не убегал от великого царя; покорил племена, мешавшие ему по дороге к морю. Нет другого человека, который – один – совершил бы столько и таких дел; никого нельзя ни у эллинов, ни у варваров сравнить с ним по размерам и величию содеянного. Это-то и побудило меня писать о нем; я не считаю, что недостойн взяться за то, чтобы осветить людям деяния Александра. (5) Поэтому, говорю, я и взялся за это сочинение. Кто я таков, это я знаю сам и не нуждаюсь в том, чтобы сообщать свое имя (оно и так неизвестно людям), называть свое отечество и свой род и говорить о том, какой должностью был я облечен у себя на родине. Сообщу же я вот что: и отечеством, и родом, и должностью стали для меня эти занятия, и так было уже с молодости. Потому я и считаю, что достоин места среди первых эллинских писателей, если Александр первый среди

воителей.

(6) Из Илиона он прибыл в Арисбу, где стояло лагерем все его войско, переправившееся через Геллеспонт; на следующий день был уже в Перкоте, а на другой миновал Лампсак и стал лагерем у реки Практия, которая течет с Идейских гор и впадает в море между Геллеспонтом и Эвксином. Оттуда прибыл он в Гермот, минув город Колоны. (7) Впереди войска были у него посланы разведчики под начальством Аминты, сына Аррабея. С ним шла ила «друзей» из Аполлонии, которой командовал Сократ, сын Сафона, и четыре отряда так называемых «бегунов». В город Приапа, сданный ему жителями, когда он проходил мимо, он отправил с Панегором, сыном Ликагора, одним из «друзей», гарнизон для занятия города.

(8) Военачальниками персов были Арсам, Реомифр, Петин и Нифат. С ними находился Спифридат, сатрап Ионии и Лидии, и Арсит, правитель Фригии у Геллеспонта. Они стали лагерем у города Зелеи вместе с варварской конницей и эллинскими наемниками. (9) При обсуждении событий – им было сообщено о переправе Александра через Геллеспонт – Мемнон родосец дал совет не вступать в сражение с македонцами, потому что пехота македонская значительно сильнее, да и сам Александр находится при войске, а Дария тут нет. Надо отступать, вытаптывать подножный корм конницей, жечь урожай и не щадить даже своих городов: Александр не сможет остаться в стране, где нет провианта. (10)

Арсит же, говорят, сказал в собрании персов, что он не допустит, чтобы у его подданных сгорел хоть один дом. Персы стали на сторону Арсита; они подозревали, что Мемнон сознательно хочет затянуть войну, стремясь к почестям от царя.

13

Александр в это время подходил к реке Гранику, ведя за собой войско в строю; он построил гоплитов двойной фалангой, всадников поместил с флангов, обозу же велел идти сзади. Разведкой командовал Гегелох; с ним были всадники, вооруженные сарисами, и около 5000 человек легковооруженных. (2) Александр был уже недалеко от реки Граника, когда к нему прискакали разведчики с известием, что за Граником стоят персы, готовые к бою. Тогда Александр выстроил все войско в боевой готовности. К нему подошел Парменион и сказал следующее:

(3) «Мне думается, царь, что хорошо было бы в данной обстановке стать нам, как мы есть, лагерем на этом берегу реки. Я не думаю, чтобы враг, у которого пехота значительно уступает нашей, осмелился расположиться вблизи от нас; тем самым он даст нашему войску возможность легко переправиться на рассвете. И мы перейдем раньше, чем они успеют построиться. (4) Теперь же, по-моему, опасно приступать к этому делу: нельзя ведь вести войско через реку вытяну-

тым строим: видно, как тут много глубоких мест, а сами берега – ты видишь, как они высоки и обрывисты. (5) Если же воины станут переходить в беспорядке или колонной – в этом положении они всего слабее, то на них, когда они станут выходить, нападет выстроившаяся конница врага. Первая же неудача будет тяжела и для нашего положения сейчас и сделает сомнительным исход всей войны».

(6) «Я знаю это, Парменион, – ответил Александр, – но мне стыдно, что я без труда перешел Геллеспонт, а этот крохотный ручей (так уничижительно назвал он Граник) помещает нам переправиться сейчас же, как мы есть. (7) Я переправлюсь: этого требуют и слава македонцев, и мое пренебрежение к опасности. Да и персы воспрянут духом, сочтя себя достойными противниками македонцев, так как ничего сейчас от македонцев они не увидели такого, что оправдывало бы страх перед ними».

14

Сказав это, он отправил Пармениона командовать левым крылом, а сам пошел на правое. Впереди на правом крыле стоял перед ним Филота, сын Пармениона, с «друзьями»-всадниками, лучниками и агрианами-дротометателями. За ним стоял Аминта, сын Аррабея, со всадниками-сариссоносцами; пеоны и ила Сократа. (2) Рядом с ними стояли из «друзей» щитоносцы под командой Никанора, сына Парме-

ниона; за ними фаланга Пердикки, сына Оронта; потом фаланги Кена, сына Полемократа; Аминты, сына Андромена, и те, которых вел Филипп, сын Аминты. (3) На левом крыле первыми стояли фессалийские всадники, которыми командовал Калат, сын Гарпала. За ними находились всадники союзников, которых вел Филипп, сын Менелая, а за ними фракийцы, которых вел Агафон. Рядом стояла пехота: фаланги Кратера, Мелеагра и Филиппа, занимавшие место до середины всего строя.

(4) У персов конницы было тысяч до 20 и пехоты, состоявшей из наемников-чужестранцев, тоже немногим меньше 20 тысяч. Они выстроили конницу по берегу вдоль реки вытянутой линией, а пехоту поставили за всадниками; местность от берега шла, все повышаясь. Против того места, где они увидели Александра (его легко было заметить и по великолепию вооружения, и по робкой почтительности его окружающих), на своем левом крыле они густо выстроили по берегу конные отряды.

(5) В течение некоторого времени и оба войска, выстроившись у самой реки, стояли спокойно и хранили глубокое молчание, страшась того, что сейчас произойдет. Персы поджидали, когда македонцы начнут переправу, чтобы напасть на выходящих из реки. (6) Александр вскочил на лошадь, приказал окружающим следовать за ним и вести себя доблестно; послал вперед конных разведчиков и пеонов под начальством Аминты, сына Аррабея, и один полк пехоты, а пе-

ред ними илу Сократа во главе с Птолемеем, сыном Филиппа; ила эта оказалась в тот день во главе всей конницы. (7) Сам же Александр, ведя правое крыло, под звуки труб и воинственные крики вошел в реку, все время держа строй наискосок течению, чтобы персы не могли напасть на него сбоку, когда он будет выходить из реки, а он вступил бы в бой сомкнутым, насколько возможно, строем.

15

Персы бросились сверху на передовые отряды Аминты и Сократа, подошедшие к берегу: одни метали дротики и копья в реку с прибрежных высот, другие же, кто стоял внизу, вбегали в самую воду. (2) Всадники смешались: одни стремились выйти на берег, другие им мешали; персы кидали множество дротиков; македонцы сражались копьями. Македонцев было значительно меньше, и в первую схватку им пришлось худо, потому что они отражали врага, стоя не на твердой почве, а в реке и внизу, персы же были на береговых высотах. Кроме того, здесь была выстроена лучшая часть персидской конницы, и вместе с ней сражались сыновья Мемнона и сам Мемнон. (3) Первые из македонцев – храбрецы, схватившиеся с персами, – были изрублены, кроме тех, кому удалось повернуть к Александру, который уже приближался, ведя с собой правое крыло. Он первый бросился на персов, устремившись туда, где сбилась вся их кон-

ница и стояли их военачальники. (4) Вокруг него завязалась жестокая битва, и в это время полки македонцев, один за другим, уже без труда перешли реку. Сражение было конное, но оно больше походило на сражение пехоты. Конь бросался на коня; человек схватывался с человеком; македонцы стремились оттеснить персов совсем от берега и прогнать их на равнину, персы – помешать им выйти и столкнуть обратно в реку. (5) Тут и обнаружилось превосходство Александровых воинов; они были не только сильнее и опытнее, но и были вооружены не дротиками, а тяжелыми копьями с древками из кизила.

(6) В этой битве и у Александра сломалось копье; он попросил другое у Ареты, царского стремянного, но и у того в жаркой схватке копье сломалось, и он лихо дрался оставшейся половинкой. Показав ее Александру, он попросил его обратиться к другому. Демарат коринфянин, один из «друзей», отдал ему свое копье. (7) Александр взял его; увидя, что Мифридат, Дариев зять, выехал далеко вперед, ведя за собой всадников, образовавших как бы клин, он сам вынесся вперед и, ударив Мифридата копьем в лицо, сбросил его на землю. В это мгновение на Александра кинулся Ресак и ударил его по голове кинжалом. (8) Он разрубил шлем, но шлем задержал удар. Александр сбросил и его на землю, копьем поразив его в грудь и пробив панцирь. Спифридат уже замахнулся сзади на Александра кинжалом, но Клит, сын Дропида, опередил его и отсек ему от самого плеча руку вместе с

кинжалом. Тем временем всадники, все время переправлявшиеся, как кому приходилось, через реку, стали прибывать к Александру.

16

Персы, поражаемые отовсюду в лицо копьями (доставалось и людям и лошадям), были отброшены всадниками; большой урон нанесли им и легковооруженные, замешавшиеся среди всадников. Они сначала отошли там, где в первых рядах сражался Александр, но когда центр их войска поддался, то конница на обоих флангах была, разумеется, прорвана, и началось повальное бегство. (2) Около тысячи персидских всадников погибло. Преследование длилось недолго, потому что Александр обратился против наемников-чужеземцев. Масса их осталась – не по здравом размышлении, а скорее от ужаса перед неожиданностью – стоять там же, где их вначале и поставили. Александр повел на них пехоту, а всадникам велел напасть на них со всех сторон. Ворвавшись в середину, он в короткое время перебил всех; никому не удалось убежать, разве кто спрятался среди трупов; в плен было взято около 2000. (3) Из персов-военачальников пали: Нифат, Петин, Спифридат, лидийский сатрап; наместник каппадокийцев Мифробузан; Мифридат, зять Дария; Арбупал, сын Дария, внук Артаксеркса; Фарнак, брат Дариевой жены, и Омар, предводитель чужеземцев. Арсит с поля боя бежал

во Фригию и там, как говорят, покончил с собой, потому что персы считали его виновником своего тогдашнего поражения.

(4) У македонцев пало человек 25 «друзей», погибших в первой схватке. Медные статуи их стояли в Дии; сделал их по приказу Александра Лисипп, который делал и его статуи: только его считали достойным этой работы. Остальных всадников пало больше 60, а пехотинцев около 30. (5) Их Александр похоронил на следующий день с оружием и почестями; с родителей и детей снял поземельные, имущественные и прочие налоги и освободил от обязательных работ. О раненых он всячески позаботился, сам обошел всех, осмотрел раны; расспросил, как кто был ранен, и каждому дал возможность и рассказать о том, что он сделал, и похвастаться. (6) И персидских военачальников он похоронил; похоронил и эллинов-наемников, которые пали, сражаясь заодно с его врагами. Тех же, кого он взял в плен, он заковал в кандалы и отправил в Македонию на работу, ибо они, эллины, пошли наперекор общему решению эллинов и сражались за варваров против Эллады. (7) В Афины он отправил 300 комплектов персидского воинского снаряжения в дар Афине Палладе. Надпись велел он сделать такую: «Александр, сын Филиппа, и все эллины, кроме лакедемонян, взяли от варваров, обитающих в Азии».

Он поставил Калата сатрапом над теми, кем правил Арсит; велел населению вносить те же взносы, которые они вносили Дарию; тем варварам, которые, спустившись с гор, отдали себя в его руки, велел вернуться к себе домой; (2) зелитов простил, узнав, что их силой заставили идти с варварами, и послал Пармениона взять Даскилий. Парменион взял Даскилий, покинутый гарнизоном.

(3) Сам он двинулся на Сарды. Когда он не дошел еще до Сард стадии 70, к нему явился Мифрен, фрурарх кремля в Сардах, и важнейшие люди города: они сдали ему Сарды, а Мифрен вручил кремль и сокровища, там находившиеся. (4) Александр разбил лагерь у реки Герма; расстояние от Герма до Сард стадий 20. Аминту, сына Андромена, он послал в Сарды занять кремль; Мифрена он увел с собой, оказывая ему почет; жителям Сард и остальным лидийцам разрешил жить по старинным лидийским законам и даровал им свободу. (5) И сам он вошел в кремль, где стоял персидский гарнизон; место показалось ему неприступным: очень высокое, обрывистое, оно было еще обведено тройной стеной. Он задумал выстроить в кремле храм Зевсу Олимпийскому и воздвигнуть алтарь. (6) Когда он высматривал, какое место для этого будет самым подходящим, вдруг в летнее время разразилась снежная буря и сухая гроза, а с неба

на то место, где стоял дворец лидийских царей, полила вода. Александр решил, что ему свыше дано знамение, где строить храм Зевсу, и отдал соответствующие распоряжения. (7) Он оставил начальником кремля в Сардах Павсания, одного из «друзей»; распределением податей и дани поручил ведать Никию; Асандра, сына Филоты, назначил правителем Лидии и остальных областей, подвластных Спифридату, и оставил ему столько конницы и легковооруженных, сколько при данных обстоятельствах казалось нужно. (8) Калата и Александра, сына Асропа, он послал в область Мемнона и с ними пелопоннесцев и множество других союзников, кроме аргивян, которые остались в Сардах охранять кремль.

(9) Тем временем до наемников, стоявших в Эфесе, дошла весть о конном сражении при Гранике, и они бежали, захватив у эфесян две триеры. Вместе с ними ушел и Аминта, сын Антиоха, бежавший из Македонии от Александра. Александр ничего плохого ему не делал, но Аминта ненавидел его и считал, что недостойно претерпеть ему от Александра какую-нибудь немилость.

(10) Александр прибыл в Эфес четыре дня спустя, вернул изгнанников, которых удалили из города за расположение к нему, уничтожил олигархию и восстановил демократию; взносы, которые эфесяне делали варварам, велел уплачивать Артемиде. (11) Народ, избавившись от страха перед олигархами, бросился убивать тех, кто привел Мемнона, ограбил храм Артемиды, сбросил статую Филиппа, стоявшую в хра-

ме, и разрыл на агоре могилу Геропифа, освободившего город. (12) Сирфака, его сына Пелагонта и детей Сирфаковых братьев вытащили из святилища и побили камнями. Что касается остальных, то Александр запретил их разыскивать и наказывать: он понимал, что народ, если ему позволить, убьет вместе с виновными и невинных — одних по злобе, других грабежа ради. И если Александр заслуживает доброй славы, то, между прочим, конечно, и за свое тогдашнее поведение в Эфесе.

18

Тем временем пришли к нему граждане Магнесии и Тралл сдавать свои города. Он послал к ним Пармениона, дав ему 2500 пехотинцев-чужеземцев и примерно столько же македонцев и около 3200 всадников-«друзей»; Алкимаха, сына Агафокла, он послал с меньшими силами к эолийским городам и тем ионийцам, которые еще находились под властью варваров. (2) Он приказал всюду уничтожать олигархию, восстанавливать демократическое правление, разрешать всем жить по их законам и снять подати, которые платились варварам. Сам он остался в Эфесе, принес жертву Артемиде и устроил в ее честь торжественное шествие, в котором участвовало все войско, вооруженное и выстроенное, как для сражения.

(3) На следующий день, взяв остальную пехоту, лучни-

ков, агриан, фракийских всадников, царскую илу «друзей» и к ней еще три других, он выступил в Милету. Так называемый внешний город, оставленный гарнизоном, он взял с ходу, расположился там лагерем и решил осаждать внутренний город, обведя его стеной. (4) Дело в том, что Гегесистрат, которому царь поручил охрану Милета, писал раньше Александру, что он сдает Милет. Теперь он осмелел, так как персидское войско было уже недалеко, и стал думать, как сохранить город для персов. Никанор, командующий эллинским флотом, опередил персов: на три дня раньше их пришел в Милету со своими 160 кораблями и бросил якорь у острова Лады, который лежит возле Милета. (5) Персидские суда запоздали; навархи, узнав о том, что Никанор уже стоит у Лады, бросили якорь у горы Микале. Александр еще раньше захватил Ладу в расчете, что здесь будет не только пристань для судов; он высадил здесь тысяч до четырех фракийцев и других чужеземцев.

У варваров было 300 кораблей, (6) но тем не менее Парменион советовал Александру завязать морское сражение: он надеялся, что эллины вообще сильны на море, а к тому же уверенность вселяло в него и божественное знамение: видели, как орел сел на берегу около кормы Александрова корабля. Он считал, что победа принесет великую пользу для всего дела, а поражение не нанесет великого урона, так как персы все равно господствуют на море. Он сказал, что сам желает взойти на корабль и принять участие в сражении. (7)

Александр ответил, что мнение Пармениона ошибочно, а его толкование знамения противно вероятию. Бессмысленно маленькому флоту вступать в сражение с гораздо большим и его неопытным морякам идти на искусившихся в морском деле киприотов и финикийцев. (8) Он не желает, чтобы отвага и опытность македонцев оказались ни к чему в этой неверной стихии и перед лицом варваров. И поражение на море принесет немалый вред, так как умалит славу их первых воинских дел; кроме того, и эллины заволнуются и поднимутся при известии об этой неудаче на море. (9) Обдумав все это, он и заявляет, что морская битва сейчас несвоевременна. Божественное же знамение он истолковал иначе: орел послан ради него, но так как он сидел на земле, то это скорее знаменует, что он одолеет персидский флот с суши.

19

В это время явился Главкипп, один из почтенных милетян: его послали к Александру народ и наемники-чужеземцы, которым главным образом и была поручена охрана города, сказать, что милетяне согласны открыть свои ворота и свои гавани одинаково Александру и персам и просят его снять на этих условиях осаду. (2) Александр велел Главкиппу немедленно возвращаться домой и объявить милетянам, чтобы они приготовились: с рассветом начнется сражение. Он поставил у стен машины; через короткое время часть

стен оказалась разрушена, а другая сильно разбита, и он повел свое войско на город через развалины и проломы. Персы у Микале не только смотрели, а почти присутствовали при том, как македонцы брали приступом город их друзей и союзников.

(3) Тут и Никанор, увидев с Лады, что Александрово войско пошло на приступ, направился в милетскую гавань, идя на веслах вдоль берега. У входа в гавань в самом узком месте он стал на якорь, сгрудив свои триеры и обратив их носами вперед: гавань была теперь заперта для персидского флота, и милетянам нечего было ждать помощи от персов. (4) Под натиском македонцев, напиравших со всех сторон, часть милетян и наемников бросилась в море и доплыла на перевернутых щитах до безымянного островка, лежавшего недалеко от города; другие же садились в челноки, торопясь ускользнуть от македонских триер, но были застигнуты у входа в гавань. Большинство погибло в самом городе.

(5) Александр, завладев городом, сам пошел к острову, где сидели беглецы; он распорядился поставить на носу каждой триеры лестницы, чтобы взобраться с кораблей, как на стену, на отвесные берега острова. (6) Когда он увидел на острове людей, готовых стоять насмерть, его охватила жалость к этим людям, обнаружившим такое благородство и верность. Он предложил им мир на условии, что они пойдут к нему на службу. Были это наемники-эллины, числом до 300. Милетян же, которые уцелели при взятии города, он отпустил и

даровал им свободу.

(7) Варвары ежедневно снимались с якоря у Микале и подходили к эллинскому флоту в надежде вызвать моряков на сражение. На ночь они приставали у Микале, но в неудобном месте, так как вынуждены были далеко ходить за водой, к устьям реки Меандра. (8) Корабли Александра сторожили милетскую гавань, не допуская варваров туда ворваться, а к Микале он послал Филоту со всадниками и тремя пехотными полками, велел им не допускать высадок с кораблей. Персы, находясь на своих кораблях, попали в положение осаждаемого города и вследствие недостатка воды и прочих припасов отплыли на Самос. Там, запасшись продовольствием, они опять подошли к Милету (9) и выстроили в открытом море перед гаванью множество кораблей, думая вызвать в море и македонцев; пять же судов вошли в пролив между островом Ладой и гаванью у лагеря в надежде захватить корабли Александра пустыми. Они узнали, что матросы в большинстве своем разбрелись с кораблей, получив приказ одним идти за топливом, другим за продовольствием, третьим за фуражом. (10) Какая-то часть моряков действительно отсутствовала, но из тех, которые были налицо, составилась полный экипаж для десяти кораблей, и Александр, видя пять подплывающих персидских триер, спешно послал на них эти корабли, велел бить в неприятельские суда носом. Персы, находившиеся на пяти судах, видя, что македонцы сверху чаяния идут на них, повернули уже издали и бежали к

остальному флоту. (11) Во время этого бегства был захвачен тихоходный корабль иассейцев со всеми людьми; остальным четверем удалось уйти к своим. Так ничего и не добившись, отплыли персы из-под Милета.

20

Александр решил распустить свой флот: у него на ту пору не хватало денег, и он видел, что его флоту не сладить с персидским, а рисковать хотя бы одной частью своего войска он не хотел. Кроме того, он считал, что, завладев Азией с помощью сухопутных сил, он уже не нуждается во флоте, а взятием приморских городов он погубит у персов флот, так как им неоткуда будет пополнять число гребцов и матросов и не будет в Азии места, где пристать. И появление орла он объяснял как знамение, предсказывавшее победу над флотом с суши.

(2) Покончив с этими делами, он пошел в Карию, так как ему сообщили, что в Галикарнасе собралась немалая сила варваров и чужеземцев. Взяв с ходу города, лежащие между Милетом и Галикарнасом, он расположился лагерем перед Галикарнасом, в 5 стадиях от города самое большое, словно для затяжной осады. (3) Город от природы был неприступен, а там, где, казалось, чего-то не хватает для полной безопасности, Мемнон (Дарий назначил его правителем Нижней Азии и начальником всего флота) давно уже все укрепил.

пил, сам присутствуя при работах. В городе было оставлено много наемного войска и много персидского; в гавани стояли триеры, и моряки могли оказать при военных действиях большую помощь.

(4) В первый же день, когда Александр подошел к стенам, из ворот, ведущих к Милассам, устремились воины, сыпя стрелами и дротиками; солдаты Александра без труда отбросили их и загнали в город.

(5) Несколько дней спустя Александр, взяв щитonosцев, конницу «друзей», пешие полки Аминты, Пердикки и Мелеагра и к ним еще вдобавок лучников и агриан, пошел вокруг города, направляясь к той стороне его, которая была обращена к Минду. Он хотел посмотреть, окажется ли здесь стена удобнее для приступа и не сможет ли он стремительно и, прежде чем его заметят, овладеть Миндом: если Минд окажется в его руках, то это будет великой подмогой при осаде Галикарнаса. А жители Минда обещали ему вручить город, если он подойдет незаметно ночью. (6) Он подошел, как и было условлено, около полуночи к стенам, но никто из находившихся в городе города ему не сдал, а у него не было ни машин, ни лестниц, так как он рассчитывал брать город не приступом, а овладеть им с помощью измены. Тем не менее он подвел фалангу македонцев и велел им подрывать стену. Македонцы свалили одну башню, но она упала, не проломив стены. (7) Горожане повели энергичную защиту, из Галикарнаса многие поспешили морем на помощь; захватить Минд

стремительно, без подготовки, оказалось невозможно. Александр повернул обратно, не добившись цели, ради которой выступил, и опять занялся осадой Галикарнаса.

(8) Прежде всего ров, который был вырыт у них перед городом, шириной больше чем в 30 локтей, а глубиной до 15, он засыпал, чтобы легко было подкатить башни, с которых он собирался обстреливать воинов, сражающихся на стенах, и прочие машины, которые, по его мысли, должны были сокрушить стены. (9) Ров был засыпан без труда, и машины уже подведены, когда осажденные сделали ночную вылазку с намерением сжечь башни и прочие машины – и подведенные, и те, которые вот-вот собирались подвести. Македонской страже помогли те, кто проснулся во время самого боя, и врагов без труда прогнали обратно за стены. (10) Погибло их около 170 человек; убит был и Неоптолем, сын Аррабея, брат Аминты, один из тех, кто перешел к Дарию. У Александра погибло человек 16, а ранено было около 300, потому что при ночной вылазке врага им некогда было думать о том, чтобы защитить себя от ран.

21

Несколько дней спустя двое македонских гоплитов из полка Пердикки, жившие вместе в одной палатке, выпивая вместе, стали каждый превозносить себя и свои подвиги. Тут их одолело честволюбие, подогрело еще вино, и они, вооружив-

шись, самовольно полезли на стену со стороны кремля, обращенного к Милассам. Им хотелось скорее блеснуть своей доблестью, чем ввязаться в опасную схватку с врагами. (2) Из города увидели двоих человек, безрассудно устремившихся на стену, и побежали на них. Македонцы убили подошедших ближе, а в тех, кто остановился подальше, стали метать дротики, но на стороне врага было и численное превосходство, и место для него было выгодным: галикарнасцы сбегали и бросали дротики сверху. (3) В это время подоспел еще кое-кто из воинов Пердикки, прибежали еще люди из города, и перед стеной завязалась жаркая схватка; македонцы опять отбросили вышедших за ворота и чуть было не захватили город. (4) Стены на ту пору охранялись не очень строго; две башни и простенок между ними, рухнувшие до основания, открыли бы войску, если бы все оно вступило в бой, легкий проход в город; третья, разбитая, башня сразу бы рухнула, стоило ее подрывать, но галикарнасцы поторопились вместо рухнувшей стены возвести внутри за ней другую, кирпичную, в форме полумесяца; построить ее было им нетрудно: рук было много.

(5) На следующий день Александр подвел машины; из города опять была сделана вылазка с целью поджечь эти машины. Часть защитных сооружений, стоявших близко от стены, сгорела; обгорела и одна деревянная башня, но все остальное уберегли воины Филоты и Гелланика, которым была поручена охрана этих сооружений. Когда же тут появился Алек-

сандр, то враги побросали факелы, с которыми выбежали на помощь, а многие кинули и свое оружие и побежали обратно в город. (6) Галикарнасцы, правда, вначале брали верх по причине высокого местоположения; они не только били в лоб людей, оберегавших машины; с башен, уцелевших по обеим сторонам рухнувшей стены, была для них возможность поражать врага, подходившего ко второй стене, и с боков и только что не с тыла.

22

Несколько дней спустя, когда Александр, подведя опять свои машины к внутренней кирпичной стене, сам руководил приступом, произведена была из города всеобщая вылазка: одни устремились через упавшую стену, где распоряжался сам Александр, другие через тройные ворота, что для македонцев было полной неожиданностью. (2) Первые стали бросать в машины факелы и разные горючие вещества, которые, занявшись, вызвали бы огромный пожар, но когда Александр со своими воинами энергично бросился на них, они, ловко увертываясь от больших камней и стрел, которые метали с башен машины, убежали в город. (3) Убитых было немало: много людей вышло из города, и действовали они отважно. Одни погибли в рукопашной схватке с македонцами; другие пали у обрушенной стены, так как проход здесь был слишком узок для такого множества людей и перебираться

через развалины было трудно.

(4) Тех, кто вышел через тройные ворота, встретил Птолемей, царский телохранитель, с полками Адея и Тимандра и некоторым числом легковооруженных. Они тоже без труда обратили в бегство вышедших из города. (5) Беглецам пришлось при отступлении проходить по узкому мосту, переброшенному через ров; мост обломился под таким количеством людей; многие попадали в ров и погибли, растоптанные своими же или пораженные сверху македонцами. (6) Самая же большая резня произошла в самих воротах: страха ради закрыли их преждевременно, боясь, как бы македонцы, по пятам преследующие бегущих, не ворвались в город, отрезав таким образом возвращение многим своим. Македонцы перебили их у самых стен. (7) Город вот-вот бы уже взяли, если бы Александр не командовал отбой: он все еще хотел сохранить Галикарнас и ожидал от галикарнасцев дружеских предложений.

Осажденные потеряли до тысячи людей; Александр около 40 человек; среди них были Птолемей-телохранитель, таксидарх Клеарх, хилиарх Адей и другие, не последние из македонцев.

23

Оронтобат и Мемнон, персидские военачальники, поняли, что при создавшемся положении они не смогут долго вы-

держат осаду: часть стены уже обрушилась, часть пошатнулась; много воинов погибло при вылазках, другие ранены и не могут сражаться. (2) Учтя все это, они около второй ночной стражи подожгли деревянную башню, которую сами выстроили против вражеских машин, а также стои, где было сложено у них оружие. Подложили огонь и под дома, находившиеся возле стены. (3) Пламя, широко разлившееся от башни и стой, охватило и другие постройки; ветром его еще и гнало в ту сторону. Люди переправились – одни в кремль на остров, другие в кремль, который назывался Салмакидой. (4) Александру сообщили о случившемся перебежчики, да и сам он увидел огромный пожар. Хотя время было около полуночи, он все-таки вывел своих македонцев; захваченных поджигателей велел убивать и оставлять в живых тех галикарнасцев, которых застали по домам.

(5) Уже рассвело; Александр увидел высоты, занятые персами и наемниками, и решил, что не стоит их осаждать: времени на эту осаду пришлось бы потратить немало ввиду характера местности, а большого значения для него они уже не имели, раз он взял весь город. (6) Он похоронил павших в эту ночь; велел людям, которые были приставлены к машинам, везти их в Траллы; город сровнял с землей и, оставив здесь и в остальной Карии 3000 наемной пехоты и около 200 всадников под начальством Птолемея, отправился во Фригию. (7) Правительницей всей Карии он назначил Аду, дочь Гекатомна, жену Идриея, который приходился ей и братом,

но взял ее себе по обычаю карийцев в жены. Умирая, Идрией поручил ей управление страной, так как в Азии еще со времен Семирамиды принято, чтобы женщины правили мужчинами. Пиксодар же лишил ее власти и сам занял ее место. (8) По смерти Пиксодара карийцами управлял, по поручению царя, Оронтобат, зять Пиксодара. Ада удержала только Алинды, твердыню из карийских твердынь. Когда Александр вторгся в Карию, она вышла ему навстречу, сдала ему Алинды и сказала, что он для нее как сын. Александр вернул ей Алинды, не пренебрег именем сына, а когда взял Галикарнас и завладел остальной Карией, то вручил ей правление всей страной.

24

Среди македонцев, отправившихся на войну с Александром, были такие, которые поженились перед самым походом. Александр решил, что не стоит об этом забывать: он отправил молодоженов из Карики в Македонию, чтобы они провели зиму с женами. Начальство над ними он поручил Птолемею, сыну Селевка, одному из царских телохранителей, и стратегам: Кену, сыну Полемократы, и Мелеагру, сыну Неоптолема, которые сами были в числе молодоженов. (2) Он велел им, когда они вернутся домой и приведут тех, кто отправлен с ними, заняться набором и собрать как можно больше всадников и пехотинцев. Этот поступок наряду

с другими прославил Александра среди македонцев. Отправил он и Клеандра, сына Полемократа, в Пелопоннес для воинского набора.

(3) Пармениона он послал в Сарды, дав ему в распоряжение гиппархию «друзей», фессалийских всадников, прочих союзников и обоз, и велел идти из Сард во Фригию. Сам он пошел на Ликию и Памфилию, чтобы, завладев побережьем, сделать бесполезным для врага его флот. (4) Прежде всего он с ходу взял лежавшие на его пути Гипарны; это было неприступное место, охраняемое чужеземными наемниками. Чужестранцы эти вы шли из кремля, сдавшись Александру. Он вторгся затем в Ликию, заключил договор с телмесцами и, перейдя реку Ксанф, овладел Пинарами, городами Ксанфом и Патарами (они сдались ему) и другими меньшими городами – числом до 30.

(5) Покончив с этим, он в самой середине зимы вторгся в область, которая звалась Милиадой. Она находилась в Великой Фригии, но по распоряжению персидского царя была в то время причислена к Ликии. Сюда пришли от фаселитов послы увенчать Александра золотым венцом и просить у него дружбы. Извещенные об этом, многие из городов Нижней Ликии прислали посольства. (6) Александр велел фаселитам и ликийцам сдать их города тем, кого он к ним для этого направит. Все города были сданы. Сам он немного спустя прибыл в Фаселиду и помог населению уничтожить мощное укрепление, воздвигнутое в их стране писидами: варва-

ры делали отсюда набеги и наносили урон фаселитам, работавшим в поле.

25

Когда он был еще в Фаселиде, ему донесли, что против него умышляет Александр, сын Аеропа, один из «друзей» и в то время начальник фессалийской конницы. Александр этот был братом Геромена и Аррабея, причастных к убийству Филиппа. (2) Тогда подозрение лежало и на нем, но Александр простил его, потому что он явился к нему один из первых после кончины Филиппа и, надев панцирь, пошел вместе с ним во дворец. Позднее Александр держал его в почете, послал его стратегом во Фракию, а когда Калат, начальник фессалийской конницы, послан был сатрапом, Александр назначил его командовать фессалийской конницей. О заговоре его узнали таким образом.

(3) Дарий, когда Аминта, перебежавший к нему, передал ему поручения и письма от этого Александра, послал к морю Сисину, перса, человека верного, будто бы к Атизии, сатрапу Фригии, а на самом деле затем, чтобы он встретился с Александром и поклялся бы ему, что если он убьет царя Александра, то сам станет царем Македонии и вдобавок к царству получит еще тысячу золотых талантов. (4) Сисина, попав в плен к Пармениону, рассказал тому, зачем был послан. Парменион отправил его под стражей к Алексан-

дру, и Александр узнал от него то же самое. Собрав на совет «друзей», он предложил им вопрос, что постановить относительно Александра. (5) Решили так: неразумно было и раньше поручать командование конницей человеку, не заслуживающему доверия; теперь же следует как можно скорее его убрать, прежде чем фессалийцы не свыкнутся с ним и не пойдут за ним против Александра. (6) Испугало их и некое божественное знамение. Однажды, еще во время осады Галикарнаса, Александр прилег в полдень отдохнуть, и над головой его с громким щебетом стала виться ласточка. Она присаживалась на ложе то здесь, то там и кричала громче, чем обычно. (7) Александр не мог совсем проснуться от усталости и только рукой слегка отгонял ласточку, которая своим щебетанием не давала ему покоя. Птичка вовсе не пугалась и не думала улетать: она села Александру на голову и слетела только тогда, когда совсем разбудила Александра. (8) Александру поведение ласточки показалось знаменательным, и он рассказал о нем Аристандру, прорицателю из Телмесса. Аристандр сказал, что ласточка возвестила ему о том, что кто-то из друзей умышляет против него, но возвестила также, что умысел этот будет раскрыт. Птичка эта живет ведь с человеком, расположена к нему и болтлива больше, чем какая-либо другая птица.

(9) Сопоставив это с рассказом перса, он отправил к Пармениону Амфотера, сына Александра, брата Кратера. С ним послал он и людей из Перги в качестве проводников. Амфо-

тер оделся в местную одежду, чтобы не быть узнанным по дороге, и, никем не замеченный, прибыл к Пармениону. (10) Писем от Александра он не принес: тот решил не писать открыто о таком деле. Он устно передал данные ему поручения; Александра схватили и содержали под стражей.

26

Александр, двинувшись из Фаселиды, послал часть своего войска через горы к Перге; дорогу им прокладывали фракийцы, но была она тяжела и длинна. Сам он пошел со своим войском по берегу вдоль моря. Идти здесь можно, только если дует северный ветер; при южном по побережью идти нельзя. (2) Теперь же с южной стороны – не без божественного произволения, как решил и сам Александр и его сторонники, – задул сухой борей, и они прошли быстро и без утомления. Когда он выступил из Перги, его в пути встретили полномочные послы из Аспенда: они сдавали город, но просили не ставить там гарнизона. (3) Просьба эта была исполнена. Александр приказал им внести 50 талантов для уплаты войнам и дать лошадей, которых они обязаны были растить для царя. Договорившись относительно денег и лошадей, послы ушли.

(4) Александр пошел к Сиде. Сидиты происходят из Кумэлийских. Они рассказывают о себе следующее: когда первые переселенцы из Кум пристали к этой земле и высади-

лись на берег, они вдруг забыли эллинский язык и тут же заговорили на языке варварском, но не на том, на котором говорили соседи-варвары, а на своем собственном, до тех пор неслыханном. С того времени сидиты и говорят на языке, который не похож на язык соседних варваров. (5) Оставив гарнизон в Сиде, Александр пошел на Силлий: это было неприступное место, и там стоял гарнизон из чужеземных наемников и местных варваров. Взять Силлий сразу же, с ходу, он не смог: еще в пути ему сообщили, что аспендийцы вовсе не желают выполнять положенных условий: не дают лошадей посланным за ними; не выплачивают денег, из деревень свезли все в город; заперли перед посланцами Александра ворота и чинят стены в тех местах, где они обветшали. Выслушав это, Александр повернул к Аспенду.

27

Значительная часть Аспенда расположена на неприступной обрывистой горе, у которой течет река Эвримедонт. Вокруг горы на низине выстроилось немало домов; их окружала невысокая стена. (2) Узнав о приближении Александра, все живущие здесь выбрались из своих жилищ, считая, что низину удержать они не смогут, и бежали на гору. Александр расположился со своим войском за этой оставленной стеной, в домах, покинутых аспендийцами. (3) Аспендийцы, увидев неожиданно явившегося Александра и войско, обложившее

их кругом, отправили послов просить мира на прежних условиях. Александр, видя перед собой неприступную твердыню и понимая, что не готов к длительной осаде, не согласился, однако, на прежние условия: (4) он потребовал влиятельнейших людей в качестве заложников; тех лошадей, о которых уже было соглашение, и 100 талантов вместо 50. Аспендийцы должны были подчиняться сатрапу, поставленному Александром, платить ежегодно македонцам дань и решить судебным путем вопрос о земле, которую они силой отобрали от соседей, в чем их и обвиняли.

(5) Аспендийцы согласились на все, и Александр повернул к Перге, а оттуда пошел на Фригию. Путь его лежал мимо города Телмесса. Жители его родом писидийцы, варвары; поселились они на очень высоком, со всех сторон обрывистом месте; дорога мимо города тяжела. (6) Гора от города спускается до самой дороги, которая и служит ей подошвой, но напротив поднимается другая гора, не менее обрывистая. Горы эти образуют на дороге как бы ворота; заняв эти горы маленьким отрядом, можно сделать проход недоступным. Телмесцы и заняли обе горы, устремившись на них всем народом. (7) Александр, увидя это, велел македонцам, не снимая оружия, разбить лагерь. Он решил, что телмесцы, увидя их, не останутся всем народом ночевать под открытым небом: большинство уйдет в город, находящийся рядом, и на горах останется только стража. Как он предполагал, так и случилось. Большинство ушло; на месте стояли только

сторожевые. (8) Он сразу же повел на них лучников, отряды дротометателей и тех гоплитов, у которых снаряжение было легче. Телмесцы не выдержали натиска и бросили это место. Александр перебрался через теснину и стал лагерем у города.

28

Сюда пришли к нему послы от селгов. Это тоже варвары, писиды; город у них большой, и они люди воинственные. Они давно уже враждовали с телмесцами, и потому и отправили к Александру посольство, прося его дружбы. Александр заключил с ними мир, и они были с этого времени неизменно ему верны. (2) Понимая, что Телмесс ему быстро не взять, он выступил на Сагалас. Это был тоже город немалый. И тут жили писиды, считавшиеся самыми воинственными из всех писидов, а это народ вообще воинственный. Они ждали Александра, заняв перед городом холм, с которого отражать врага было не хуже, чем со стены, — таким неприступным он был. (3) Александр построил пехоту македонцев таким образом: на правом крыле, где он сам командовал, стояли у него щитonosцы, а за ними, растянувшись вплоть до левого крыла, «друзья»-пехотинцы; каждый стратег стоял в том ряду, который ему на тот день выпал. (4) Начальство над левым крылом он поручил Аминте, сыну Аррабея; впереди на правом крыле стояли лучники и агриане,

а на левом фракийцы с дротиками под командой Ситалка. Всадники в таком неудобном месте не принесли бы никакой пользы. К писидам на помощь пришли и телмесцы.

(5) Воины Александра, штурмуя гору, которую удерживали писиды, взобрались уже на то место, где подъем был особенно крут, и тут-то варвары кинулись отрядами на оба крыла: здесь им было сбежать всего удобнее, а врагам подняться всего труднее. Лучники с их плохим снаряжением первыми наткнулись на врага и обратились в бегство, но агриане не дрогнули. (6) Вблизи была уже македонская пехота, а перед ней шел Александр. Когда дело дошло до рукопашной, то варвары, схватываясь в своей легкой одежде с гоплитами, падали все в ранах. Они не устояли. (7) Погибло их около 500... были они налегке; хорошо знали место, и ускользнуть им было нетрудно. Македонцы, тяжело вооруженные, не зная дорог, не особенно упорствовали в преследовании врага. (8) Александр, следуя за бегущими по пятам, взял их город штурмом. Из его войска были убиты Клеандр, стратег лучников, и еще около 20 человек. Александр пошел на остальных писидов; некоторые их крепостцы он взял силой, другие ему сдались.

29

Оттуда он пошел на Фригию мимо озера, которое называется Аскинией и в котором сама собой осаждается соль;

местные жители пользуются ею, и в морской соли не нуждаются. На пятый день он прибыл в Келены. Кремль в этом городе представляет собой отвесную со всех сторон гору; в качестве гарнизона сатрап Фригии поставил туда тысячу карийцев и сотню наемных эллинов. (2) Они и отправили к Александру послов с сообщением, что если к ним в условленный день, который они указали, не придет подмога, то они сдадут крепость. Александру это показалось выгоднее, чем осаждать кремль, неприступный со всех сторон. (3) Он оставил сторожить Келены около полутора тысяч солдат, пробыл здесь десять дней, назначил сатрапом Фригии Антигона, сына Филиппа, а командовать союзниками поставил вместо него стратега Балакра, сына Аминты, и выступил на Гордий. Пармениону он послал приказ встретить его там с войском. Парменион и встретил его с войском. (4) Молодожены, которые были посланы в Македонию, прибыли в Гордий, и вместе с ними пришло и набранное ими войско под командой Птолемея, сына Селевка, Кена, сына Полемократа, и Мелеагра, сына Неоптолема. Пеших македонян было 3000, всадников же около 300, фессалийских всадников 200, элейцев же полтораста, их вел элеец Алкия.

(5) Гордий находился во Фригии, прилегающей к Геллеспонту, и расположен на реке Сангарий. Истоки Сангария находятся во Фригии; он течет через землю вифинских фракийцев и впадает в Эвксинское море. Сюда пришло к Александру посольство из Афин с просьбой отпустить афинян,

которые воевали на стороне персов, были взяты в плен при Гранике и теперь находились в Македонии среди двухтысячной толпы узников. (6) Они ушли, ничего тогда не добившись. Александр считал, что если во время его войны с персами у эллинов, которые не побоялись наперекор Элладе стать на сторону варваров, хоть несколько ослабнет страх перед ним, то это грозит ему бедой. Он ответил послам, что пусть они приходят просить за них, когда его предприятие счастливо закончится.

Книга вторая

1

Тем временем Мемнон, которого царь Дарий поставил начальником всего флота и правителем всего побережья, решил перенести войну в Македонию и Элладу. Он захватил Хиос, который ему сдали изменой, и оттуда поплыл к Лесбосу; митиленцы не послушали его, но другие города Лесбоса он привлек на свою сторону. (2) Поладив с ними, он подошел к Митилене, окружил город от моря до моря двойным палисадом, поставил пять фортов и сразу оказался с суши хозяином положения. Часть его флота стерегла гавань, остальные суда он послал к мысу Сигрию, где была главная пристань для грузовых судов, шедших с Хиоса, от Гереста и Малеи, с наказом охранять проход и отрезать всякую помощь митиленцам с моря. (3) Но тут он заболел и умер, и смерть его в ряду других тогдашних событий была еще одним ударом для царя. Автофрадат и Фарнабаз, сын Артаваза, которому Мемнон, умирая, передал свою должность на то время, пока Дарий ею не распорядится (Фарнабаз приходился племянником Мемнону), энергично повели осаду. (4) Митиленцы были отрезаны со стороны суши; с моря их стерегло множество судов, заперших гавань; не видя выхо-

да, они заключили с Фарнабазом следующее соглашение: чужеземцы, пришедшие к ним от Александра в силу военного союза, уйдут; митиленцы разорвут все договоры, заключенные ими с Александром; они станут союзниками Дария, какими и были по Анталкидову миру, заключенному с царем Дарием; изгнанники их вернутся и получают половину того имущества, которое у них было, когда они ушли. (5) На этих условиях совершился переход митиленцев к персам. Фарнабаз и Автофрадат, как только вошли в город, ввели туда гарнизон, начальником его назначили родосца Ликомеда и поставили единоличным властителем города Диогена, одного из изгнанников. Истребовали они от митиленцев и деньги: частью их отнимали силой от имущих, а частью взяли из городской казны.

2

Покончив с этим, Фарнабаз с чужеземными наемниками отплыл в Ликию, Автофрадат же отправился к другим островам. В это время Дарий прислал Фимонда, сына Ментора, с приказом: забрать от Фарнабаза чужеземцев и привести их к царю, а Фарнабазу ведать всем, чем ведал Мемнон. (2) Фарнабаз передал ему чужеземцев и поплыл к Автофрадату за флотом. Встретившись, они отослали десять кораблей под начальством перса Датама к Кикладским островам, а сами с сотней кораблей поплыли к Тенедосу. Став на якорь в так

называемой Боресской гавани, они предложили тенедосцам все договоры, которые были у них с Александром и эллинами, разорвать, а с Дарием жить в мире, как и было постановлено по Анталкидову договору. (3) Тенедосцы были гораздо более расположены к Александру и к эллинам, но в данную минуту они решили, что уцелеть им возможно только присоединившись к персам: у Гегелоха, которому Александр приказал опять составить флот, не было еще столько кораблей, чтобы рассчитывать на скорую им от него помощь. Таким образом, Фарнабаз заставит тенедосцев перейти на свою сторону скорее от страха, чем по доброй воле.

(4) В это время как раз Протей, сын Андроника, собирал по приказу Антипатра в Эвбее и Пелопоннесе военные корабли, которые несли бы охрану островов и самой Эллады на тот случай, если, как сообщалось, сюда подплывут варвары. Узнав, что Датам стоит с десятью кораблями у Сифна, он с пятнадцатью вышел ночью из Халкиды (той, что лежит на Эврипе). (5) На заре он пристал к острову Кифну, провел там целый день, чтобы собрать более точные сведения относительно десяти кораблей и ночью грозой обрушиться на финикийцев. Узнав в точности, что Датам со своими кораблями стоит у Сифна, он поплыл туда и ночью, еще до рассвета, напав на ничего не подозревавшего врага, захватил восемь судов вместе с экипажем. Датам с двумя триерами ускользнул в самом начале сражения с Протеем и бежал к остальному флоту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.